

Викентий Вересаев

Об одном доме

Викентий Викентьевич Вересаев

Об одном доме

Аннотация

«Мы третий день косили в Опасовском лесу. Был вечер, солнце село. Наш табор расположился на полянке, около лощины. Старики отбивали косы, костры трещали, и синий дым медленно стлался между кустами. Дальние полянки дымились легким туманом...»

Содержание

I. На Гремячем колодце	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Викентий Вересаев

Об одном доме

I. На Гремячем колодце

Мы третий день косили в Опасовском лесу. Был вечер, солнце село. Наш табор расположился на полянке, около лощины. Старики отбивали косы, костры трещали, и синий дым медленно стлался между кустами. Дальние полянки дымилась легким туманом.

Я лежал на склоне лощины, около Гремячего колодца. Перед ужином мы выпили водки, и тяжелая усталость превратилась в приятную истому. Не хотелось шевелиться, сквозь охватившую глубокую задумчивость медленно проплывали чуть сознаваемые мысли; в просторном меркнувшем небе загорались звезды, и, казалось, никогда еще в нем не было столько тихой красоты.

Около меня, на пригорке, сидели и разговаривали три девки из нашего табора – Дonya Коломенцова, Настасья и Аленка. Внизу был Гремячий ключ, холодный, чистый, как слеза; ручеек журчал в осоке, впадая в зацветшую сажалку; на узкой плотине стояли три старые ивы, и над ними светился серп молодого месяца.

Этот ключ, говорят, выбит из земли молнией и обладает

целебную силою; на его дне, в чистом белом песке, всегда лежит масса образков и медных крестиков. А сейчас от Доньки я узнал, что и сажалка здесь тоже особенная: на ее тинистом дне лежит труп убитого прохожим солдатом черта. Дело было так: в давнее время шел через лес солдат; над лесом бушевала буря; солдат подошел к пруду и видит: с неба бьет громом в пруд, вода бурлит, а над водою мелькает чья-то косматая голова; как ударит громом – она в воду, а потом опять вынырнет. Солдат стоял за кустом, приложился из ружья, – бац! Стон прокатился по лесу, и голова исчезла под водой. Солдат испугался, думал – застрелил человека, а это Илья-пророк с неба в черта бил, да никак попасть не мог, а солдат ему подсobil.

Тайна этого пруда и ключа настраивала на особенный лад. И покосившийся крест над ключом, и черная вода в просветах зеленой тины, и старые ивы – все глядело значительно, таинственно и необычно. Ко всему этому странно подходила и сидевшая на пригорке Донька. Стройная, с продолговатым, задумчивым лицом, она рассказывала о загадочных «курдушах», которые водились в амбаре дернопольского лавочника Ивана Леонова. В лице Доньки было что-то удивительно одухотворенное, как бы прислушивающееся, и в то же время болезненное; прошлою осенью с нею было несколько припадков, и она слыла «порченою». Жила она душою в каком-то совсем особенном мире, полном таинственных сил и существ, и эти силы в ее присутствии как бы оживали и для

других людей. Я смотрел на нее, и мне казалось – вот, в сумраке летнего вечера, над этим прудом с трупом черта, сидит задумчивая и серьезная Сказка.

Своим медленным грудным голосом Доська рассказывала:

– Он потому и богат, что ему курдуши служат. Тетка Матрена сколько раз видала: как ночь, выйдет с месивом на крыльцо и кормит их.

– Он, что же, колдун, значит? – спросил я.

– Нет, он-то не колдун, а у него отец колдун был; вот, говорят, курдушей этих ему и оставил.

– Да что это такое, курдуши эти?

– А кто ж их знает! Ведь их не увидишь... Один-то раз тетка Матрена подглядела; пошла она с Иваном Левоновым в амбар к нему, мучицы насыпать; отперла дверь, а из закрома какой-то черненький выскочил и – в нору; вроде как бы кошка, только подлиннее и с бородкой. Значит, схоронился от чужого глаза.

– На что ж они ему нужны?

– Как на что? А они ночью по чужим амбарам ходят, хлеб таскают к хозяину; как в каком амбаре дверь без креста, хоть на пяти запорах будь, пролезут... – Доська помолчала. – Раз я их сама слышала, курдушей этих, – проговорила она с медленной улыбкою. – Иду ночью через Дернополье, а они у лавочника в амбаре: у-уу! у-уу!.. Воют. Есть, значит, просят. Так вот тоже, бывает, дворные воют!

– А дворные разве тоже воют? – спросил я. Дворными в наших краях называют домовых.

– Дворные? Ну, как же не воют! Это и в нашей деревне было, у Сергея Чумакова. Он со всем семейством ушел в Венев, избу заколотил. Так-то там по ночам дворной выл! Никто на деревне не спал, боялись. Думали, не собака ли; так нет, не было у него собаки...

Заговорила Настька, рябая и скуластая.

– Не знаю, как Иван Леонов, а вот, девки, Аринка санинская, – это уж верно, что еретица. Ее давно оговаривали, а нынче на святках испытание сделали девки. Как жарили яичницу, воткнули нож под крышку стола, где Аринке сидеть. Сели, значит, яичницу есть, и Аринка села. Вдруг встала. «Тошно!» – говорит и вышла из-за стола... Сколько шуму было! Тут же жених ее был на вечорке: «А ну тебя, говорит, не стану я с тобой жениться, мне моя душа дороже!»

– Ей отец велел от себя взять, она тому невиновна, – понизив голос, сказала Донька. – Он колдун был, коренщик; стал помирать, а колдовство-то сдать некому; долго мучился, никак не померет; наконец, позвал Аринку, велел ей принять, ну, после того и помер.

– Господи, что ж ей теперь на том свете за это будет! – от глубины души вздохнула Настька.

Донька молчала и задумчиво глядела в темневшую чашу леса.

– Наступит час, придет за нею *тот-то*... – медленно за-

говорила она. – Вот как летошний год за одним ненашевским мужиком приезжал, Андреяном Лаврентьевым. Заболел он после водки, все сидят, не спят, молоком его отпаивают. Вдруг в полночь слышат, по дороге из-за церкви кто-то едет на тройке, бубенцы звенят. Подъехали к дому, остановились. Андреян испугался, зачуял, значит, велел огонь под лавку спрятать. Стучат в дверь, хозяева не отпирают, боятся. Те все стучат. Ну, вышла старуха в сени, спрашивает: «Кто такое тут?» – Отпирай! – «Кто такой, кому отпирать?» – Тебе говорят, отпирай! Мы за Андреяном Лаврентьевым приехали. Он здесь? – «Нет, говорит, нету, он на ярмарку уехал». Духи и говорят: «Ну, коли его нет, то и дела нет!» И поехали мимо церкви назад... А через три дня вышел Андреян вечером на гумно и не воротился. Стали искать, видят: лежит под ометом мертвый, – синий, глаза выпучены... Они ведь тоже хитрые, от них не убережешься!

– Слушай, Доня, ну, скажи, за что же им брать Аринку? – сказал я. – Ведь сама же ты говоришь, что она не по своей воле колдовство взяла, что ей отец приказал.

– Там этого не спросят.

– Так зачем она брала у отца? Отказалась бы!

– Как откажешься? Кабы он ее спросил. А то – «возьми», говорит, больше ничего.

– А она бы ему сказала: «Не хочу! Сам грешил, сам и расплачивайся! За что же мне-то свою душу губить?..» Ну, ты вот, если бы у тебя отец колдун был, взяла бы ты от него

колдовство?

Донька покорно ответила:

– Как же не возьмешь?

Я замолчал. Тут был какой-то совсем особенный нравственный мир, настолько чуждый и непостижимый, что разговор иссякал: темные, слепые силы не отойдут от раз обреченного, и самый высокий подвиг не несет в себе оправдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.